

УТРЕННИЙ ОБХОД

Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни.

Л.Н. Толстой

Я врач. Я – хирург. По роду своей профессии режу, кромсаю людей вдоль и поперёк, заглядываю во все его органы во имя спасения и во имя продления их жизни. За двадцать лет работы: без выходных и, практически, без отпуска, нарезал столько, что и счёт потерял. Разные люди ложились под мой нож. Кого-то помню в лицо, кого-то по истории болезни, а кого-то по заключению о смерти. Для меня на операционном столе лежит ни какой-нибудь Иван Иванович, а больной, которому я должен и хочу помочь своими руками и мне нужно взглянуть на его болячки.

Иногда коллеги-терапевты обвиняют нас - хирургов, в безжалостности к больным. Они правы, но только частично. Жалость – это эмоции, продиктованные нашим сознанием, либо жизненной ситуацией. В конечном итоге – это всплеск нашей нервной системы. Теперь, представьте себе, если этот всплеск произойдёт во время операции, когда в моих руках скальпель. Дрогнет рука, уйдёт лезвие глубже или в сторону и, считай, повредил другой орган или здоровый участок. Пациентов своих мы жалеем по-своему, особенно. Прежде чем уложить кого-то на стол, изучаем всё сопутствующее его болячке. Море анализов проведём, схему операции выстроим. Предусмотрим даже другие необходимые при операции действия и, только после предоперационного обсуждения, расставляем по действиям ассистентов и начинаем работать. Всё нужно делать быстро, качественно, слаженно. Иногда и по четыре часа, не приседая, режешь и шьёшь. Вздохнёшь облегчённо после последнего шва, сбросишь маску и перчатки, свалишься мешком в кресло и только тогда вытянешь затёкшие ноги.

Плановые, продуманные операции, пусть даже сложные, делаешь более уверенней, нежели внезапные, когда нет времени на полные анализы, опросы. Перед тобой угасающее тело, либо это человек, который на грани смерти. Здесь уже не до сантиментов: нож в руки и резать, шить, скреплять, резать, шить. Время летит молнией, отступает усталость, и только борьба за жизнь, только борьба. Теперь всё зависит от тебя, от твоего профессионального умения.

Иногда оперированный приходит в себя медленно и всё это время ты рядом или по близости. При первом же сигнале бежишь, а точнее летишь, забывая о еде и усталости.

Уходя домой, обязательно накажешь дежурному врачу и медсестре, что при таких-то, таких-то показателях – срочно звонить домой или срочно посылать дежурную машину.

При таком ритме жизни, дома должна тебя ждать с сочувствием и пониманием жена, а если этого нет – беда. Многих своих коллег помню, которые из-за этого непонимания, начинали злоупотреблять спиртным. Пьющий хирург – не хирург! Меня Бог миловал. Дома я понимаем и любим женой и детьми.

Настоящая радость и, если уж быть честным, гордость за себя, возникает тогда, когда ты видишь своего выздоравливающего пациента и его благодарный взгляд.

Особенно нравятся мне утренние посещения своих больных. Человек после сна или бессонницы, ждёт тебя, ждёт ободряющего твоего слова, твоего утверждения о благополучном исходе.

Разные они: с юмором и без оно, словоохотливые и угрюмые, оптимисты и пессимисты. Моя же задача – мобилизовать сознание каждого из них на скорое выздоровление и хорошее будущее. Преувеличиваю ли я? Да! Но без этого, без веры, человек захандрит, и силы его организма угаснут. Мне же нужно вызвать их буйство в нём. Чтобы добиться этого, найти душевную струнку, приходится подолгу выслушивать истории жизни или какие-то события. Потихоньку определяю в своём больном ту клавишу, на которую можно надавить.

Некоторые рассказы я записываю, подновляю новыми сообщениями и деталями. Читая сейчас свои изложения, вспоминаю прошедшее, пережитое вместе с моими пациентами, и удивляюсь, зачастую, их жизнеутверждающей силе и мужеству.

Который уж раз, углубляясь в записи, с задумкой об издании книги и понимаю, что мне не нужно выдумывать, а всего-то нужно всё излагать без прикрас, как было и как говорилось.

Запись первая.

БРАТЯ

Иван Захарович Майский впервые обратился к врачам через двадцать лет после окончания Великой Отечественной войны с жалобой на изнуряющие головные боли. Как участника Войны поместили мы его на обследование в отдельную палату. Промучавшись сутки в одиночестве, наш клиент потребовал положить к нему в палату кого-нибудь из не ходячих, чтобы он мог с ним общаться и помогать. Просьбу Ветерана, мы, конечно, выполнили и определили ему в соседи молчуна-старобрядца Матвея Калистратовича. Характеры наших пациентов были явно несовместимы. Иван Захарович – жив-

чик, а бородатый старовер при общении говорил тяжело и взвешенно. В общем: огонь и пламя. Мы даже начали подумывать об обратной передислокации наших больных. К счастью мы ошиблись. Суворовская словесная атака Ивана Захаровича взломала неприступность старообрядца и пошли они излагать свои взгляды на жизненные ситуации по-своему. Во время обхода своих стариков я частенько заставлял их «пыхтящими» друг на друга, или не остывшими после словесных баталий. Зачастую они и меня вовлекали в свои споры и дискуссии, удивляя аргументированностью суждений той и другой стороны на происходящие вокруг нас события настоящего и прошлого времени. Порой спорщиков приходилось останавливать, ибо обоим раздражения были противопоказаны.

Матвея Калистратовича, корчившегося от ужасных болей в животе, обнаружили в таёжной избушке охотники-промысловики. Вызвали вертолёт и скорёхонько к нам в больницу. Запоздай они хотя бы на сутки – быть беде. У Матвея Калистратовича был острый аппендицит. Мне пришлось срочно его оперировать. Выкинуть слепой отросток кишечника для хирурга вещь не сложная. С этим я справился быстро. Но моего пациента долго везли, трясли, перекладывали, и на почве этого началось воспаление других участков кишечника. Вроде бы я сделал всё аккуратно, но боязнь о возможных негативных последствиях осталась. Пришлось ограничить Матвеем Калистратовичу всякое движение. За него это с лихвой проделывал Иван Захарович. До собственной операции был он для лежачего соседа незаменимой нянечкой.

У Ивана Захаровича дело обстояло похуже. Фронтальной осколочек под черепной коробкой в молодые годы практические его не беспокоил, а теперь «зашевелился» и образовалась заметная опухоль, которая начала давить на мозг. Последствия могли быть не предсказуемыми. Нужна была сложная операция. Противопоказаний для этого не было, и оставалось последнее: подготовить больного. С этим намерением я направился к своему фронтовику. Весь наш разговор до операции и после я записал в свой дневник, и выглядело это так:

- Иван Захарович, нужно из головы вынуть фашистский осколочек, а то он там у Вас лишний.

- У меня, доктор, таких лишних «подарочков немецких» было семнадцать. В госпиталях пятнадцать выцарапали. А два оставили: в голове и в лёгком. В лёгком помалкивает, а в башке «заговорил».

- Ничего, Иван Захарович, вытащим мы его. Но в черепке у Вас придётся дырочку продолбить, мы её потом залатаем.

- Господи! Ты, никак, меня уговариваешь? Ты что же, доктор, думаешь, что я смерти боюсь? Знай, сынок, в бессмертие не верю, но умирать не собираюсь. Так что режь и долби мою голову.

- А! Бога всё же вспомнил, богохульник!, - подал голос Матвей Калистратович. – Хорохоришься перед доктором, а ночью плачешь. Утром спрошу – молчишь. Героя из себя изображаешь! Червь душевный тебя гложет! Неужто покаяться перед Богом не хочешь?

- Ты бы уж помалкивал, бородач! Скажи спасибо нашему доктору, а то бы уж давно с Богом повстречался.

- Вот такой ты и есть! Зло в тебе сидит, и злишься ты, Иван, на себя! На ответственное дело ведь решаешься, вот и облегчил бы душу, - не унижался Матвей Калистратович.

Видя, что мои старики распаляются, решил я вмешаться.

- Иван Захарович, расскажите о себе, о близких Вам людях, о своей несбывшейся мечте. Может быть, Матвей Калистратович в чём-то и прав.

Иван Захарович задумался, потёр грудь, как бы проверяя своё сердце, постучал пальцами по выбритой голове и заговорил:

- Насколько я знаю, все мои предки были приписными казаками войска Донского. Прадед, дед, отец и его братья Верой и Правдой служили Царю и Отечеству. До революции жили мы зажиточно. В хозяйстве было всего много: лошадей, коров, овец. Людей на работу нанимали. Мужики в родне все крепкие, жилистые. Бабы через год детей рожали. Вот и я с братом Сафроном родились один за другим. Он старше меня на один год. Росли сытыми, одетыми, без особых забот. Пришла Революция. Забурлило, закачалось казачество. Многие, особенно бедные казачки, Революцию поддержали и большевиков тоже: за их обещания. Когда же увидели и убедились, что большевики их обманули, как и многих других, взбунтовались. Но не долго сопротивлялись. Порубали многих. В нашей семье шесть гробов было. Вроде бы после этого и замирение вышло, да не надолго. Началось повсюду расказачивание.

Мне в ту пору было уже семь лет. Помню хорошо: пришли люди с синими звёздами на шлемах и с красными повязками на рукаве, долго, долго что-то писали и пересчитывали столовое серебро. Дважды посчитали лошадей, коров с молодняком, овец и всё забрали вместе с дедушкой. Дедушку мы больше не видели.

Отец, долго не думая, утречком пораньше, сгрёб нас с мамкой и на станцию. Долго «ездочились» мы по железным дорогам России, пока не добрались до Коломны. «Затеряемся среди люда россейского», - отвечал отец на наши вопросы. За умеренную плату купил он на берегу реки Коломенки домик с землёй и пару лошадей. Через месяц мама и папа устроились на работу. А осенью мы с братом Сафроном пошли учиться в школу.

Закрою глаза и вижу: белокаменный Кремль с Соборной площадью, Успенский собор, Пятницкие ворота, церковь Николая Угодника. Предки наши были не дураками, закладывая здесь город. Возведя крепость, понимали, что можно контролировать весь водный путь по Волге и Оке до самой Москвы. Ни один раз разоряли город татаро-монголы, свои князья и восставший россейский люд, пока не объединились княжества под Московское начало.

В школе нам говорили, что под стенами Кремля собирались дружинники перед битвой на Куликовом поле. Со временем Коломна стала одной из основных защитниц Москвы. На Оке, в селе Дединове, славились своим мастерством корабельники. Это на их барках сплавлялись купцы в разные места.

Здесь же был построен трёхмачтовый военный парусник «Орёл», для сопровождения грузов по Волге и Каспию.

Коломна нашего детства запомнилась дымом и пыхтением заводов по изготовлению паровозов, вагонов, ткацких станков. Кто из вас был в Москве и Ленинграде, и ходил по Литейному и Крымскому мостам, не могли не заметить скромную надпись: «Сделано в Коломне».

Годы жизни в Коломне, крутые берега Оки и наши ребячьи ватаги, мне часто сняться и сейчас.

Всё складывалось в нашей семье вроде бы хорошо, но внезапно заболела мамка. Что только отец ни делал, каких только врачей и знахарок не привозил – всё бесполезно. Маму мы похоронили на общем кладбище в 1932 году.

После убийства Кирова, отца пригласили в НКВД для уточнения: не является ли казачий хорунжий Майский его родственником. Как уж папаня мой от чекистов отбрехался, я не знаю, но в ту же ночь отчалили мы в Сибирь. Забились в самую глухомань – в Шерегеш.

Вот здесь и началась наша семейная трагедия.

После смерти мамы, отец повоевал, повоевал с нами, да и женился с нашего согласия, на местной фельдшерице, у которой была дочь на два года моложе меня. Роза, так звали нашу приёмную сестру, нашего мальчикового общества не гнушалась, и вела себя на равных.

Через несколько лет мы с Сафроном, для доучивания в школе, переехали в рабочий посёлок Таштагол. Красота там неописуемая: кругом горы, тайга и многочисленные тропы куда-то в даль. Местные аборигены – шорцы, народ гостеприимный и очень доверчивый.

Сафрон, после окончания восьмого класса, пошёл учиться на курсы водителей, а я учёбу в школе продолжил. Пока я ещё два года учился, Сафрон удачно устроился в геологическую партию водителем с приличным заработком. Жизнь у него началась разлюли-малина. Деньги домой привозил немалые (калымил на машине) и мне перепадало. Перед выпускными экзаменами привёз он меня домой и тут я заметил одну странность в его поведении: робость при появлении Розы, одаривание её подарками, длительные прогулочные разъезды. «Похоже, Сафрон в Розу втюрился», - мелькнуло у меня в голове и я начал за ними следить. В Розу не влюбиться было просто невозможно! Стройная, высокая ростом, с огромными глазами была она похожа на киноартистку. В её поведении, наряду с обаятельностью, появилась струнка повелевания, уверенность в своей неотразимости. Состоялось ли у них с Сафроном объяснение в любви, я не знаю, но раскатывание на машине прекратилось.

Сафрон стал после этого в нашем доме редким гостем. Роза уехала учиться в медучилище, а я поступил в горный техникум. В доме родителей встречались только во время каникул. Роза стала ещё краше. Это заметил даже я – махровый тупица в женских делах. Заметить- то заметил, но и не только. Влюбился я в Розу «по самую макушку!» Ночами не спал. Уходил в горы,

чтобы отвлечься от обуреваемой страсти, но ноги несли меня в дом к любимой.

Перемены произошли и в поведении Розы. При встрече со мной она краснела, часто плакала и стала избегать меня. Когда я понял, что свою душевную болезнь могу залечить только разлукой, начал готовиться к отъезду.

Перед самым отбытием в комнату без стука вошла Роза и уткнувшись лицом мне в грудь, заплакала. Я стоял поражённый, не в силах даже слова сказать, но когда я её обнял и поцеловал в шею – зарыдала ещё сильнее. Единственное, на что я был способен в этой ситуации – уйти из дома. Взял Розу за руку и увёл по тропинке в горы, в тишину леса. Там объяснились в любви и когда спустились вечером к дому, были мы уже мужем и женой. Поцелились тогда любить друг друга до гробовой доски и никогда не изменять друг другу. Свадьбу решили устроить летом следующего года, а пока жить «негласно», скрывая всё от родителей.

Если вы думаете, что от родительского взгляда можно что-то укрыть, то вы ошибаетесь. Они то всё и поняли. Мать о чём-то долго беседовала с дочерью при закрытых дверях, а отец молча вlepил мне увесистый подзатыльник. Развезли нас рано утром в противоположные стороны, даже не дав попрощаться: Розу мать увезла в училище, а меня отец отправил в техникум. Всю осень и зиму мы с Розой так и не встретились. Письма, письма, только письма. Свои чувства, свою любовь я ни от кого не скрывал и поплатился за это.

Нашлась среди моих знакомых подлая душа. Перехватили письмо от Розы и по адресу на конверте, черкнули ей сообщение о том, что я ей давно изменяю и, даже вроде, собираюсь жениться. Вот, что было написано в последнем письме от Розы:

«Подлец! Ты втоптал в грязь мои чувства! Ты предал меня! Но я тебе отомщу! Месть моя для тебя будет кровавой!

Не вздумай на глаза мне попасться – выцарапаю твои бестыжие зенки».

Вот тут-то я и растерялся. Даже в больницу попал с нервным срывом. Жалею, что не было в ту пору взрослого человека, чей совет мог бы помочь мне найти выход из этой ситуации.

После излечения, пошёл я в военкомат и выпросился на службу. Как ушёл в 1939 году, так только в 1945 году и вернулся. Ни один раз смерть кружила рядом, но я выжил. Во всей этой кутерме смертей и крови, вспоминал Розу ежедневно и её угрозу тоже.

Она мне отомстила!

- Как?, - не вытерпел я.

- Только обозлённая женщина способна на такое. Она вышла замуж за Сафрона. Жестоко, разом ударила по мне и по брату!

После первой брачной ночи, когда Сафрон начал выговаривать Розе о её нечестности, она «вылепила» ему всю правду о нас с ней. Сафрон от этого

сломался: начал пить, гулять. Когда умерла мама Розы, вообще перестал появляться дома.

Весенним днём 1941 года заявился брательник трезвый, как стёклышко, с повесткой об уходе в армию. На прощание, не стесняясь отца, заявил: «Ежели вернусь – Ивана задушу». Ушёл Сафрон со злом на душе и проклял меня за мою любовь к женщине.

- Вот оно - Око Господне!, - пророчески заявил Матвей Калистратович, накладывая на себя крест. – Он за всё тебе, богохульник, воздал! За все твои прегрешения к ответу призвал! Брата с братом из-за женщины столкнул! Большой на тебе грех, Иван! Ох, большой! Ты ведь поперёк родителей пошёл! Без родительского благословения, как вор, сожительствовать стал с Розой. Бесовское это проявление! Молись Богу, Иван! Денно и ношно ему поклонь бей, что в живых оставил тебя, видно помочь тебе пытается от греха освободиться. Неужели ты сам не понимаешь, насколько это страшно, когда брат брату убийством грозит?

- Иван Захарович, Вы с Сафроном-то встречались? - опять не выдержал я.

- Это долгий рассказ. Как-нибудь потом расскажу. Сегодня от всех воспоминаний и от нудного нравоучения Матвея, голова заболела, надо немного отдохнуть.

Дежурная медсестра рассказывала мне потом, что после моего ухода, старики ещё долго спорили между собой. Матвей Калистратович ставил в упрёк Ивану Захаровичу, что живёт он не в ладу с божескими заповедями и даже не в ладу с природой. Из-за таких, как он, не только рушатся людские устои, но и природа гибнет от непонимания человека своего места в ней и своей задачи.

В ответ на такое обвинение, даже в коридоре был слышен голос Ивана Захаровича:

-Ты, Матвей, всё о зверье и лесе печёшься. Может ты и прав. Похозяйски всё на земле нужно делать. Но лес можно вырастить, зверьё тоже можно размножить, а кто косточки наших солдат соберёт от Москвы до Берлина, кто их по Христианским обычаям предаст земле? Кто им памятники поставит? Где была ваша Вера, когда мы убивали друг друга? Почему Бог всевидящий не вмешался и не остановил? Молчишь? Сказать нечего? Я, Матвей, на фронте частенько задумывался о Боге, но всегда было непонятно: жизнь моя для меня была безразлична, а гибли другие, которые хотели жить. Может и нет на мне греха?

После этого в палате наступила тишина, и только Матвей Калистратович бубнил очередную молитву.

... Ивана Захаровича оперировал я дольше намеченного. Осколков в голове оказалось два: один за другим. Один из них уже проколол свою капсулу и угрожал повредить участок мозга. Как-то мы всё же зачастую ходим по лезвию ножа. Запоздай я с операцией и человек – инвалид. Но всё обошлось: осколки вынуты, капсула убрана.

Теперь наступила пора обязанности седелки исполнять Матвею Калистратовичу. Удивительные эти люди под старость лет. Только вчера спорили

и ссорились, а пришла беда – протянули руки помощи. Пока Иван Захарович был под наркозом. Мы от него не отходили. Матвей Калистратович, поджимая свой бок, суетился вместе с нами: то губы Ивану Захаровичу ваткой помочит, то одеяло поправит. А когда мы уходили, читал молитвы.

Я был свидетелем, когда Иван Захарович открыл глаза и, увидев склонившегося над ним бородача, тут же выдал:

- Ты чего это, Матвей, своим венником всё это время меня щекотал? Думал, не проснусь? А я вот живой! Ты думал, что я крепко сплю? Ничего подобного: я всё слышал. Даже молитвы твои выучил.

Иван Захарович при этом подмигнул мне и, глядя на разобидевшегося Матвея Калистратовича, миролюбивым голосом произнёс:

- Ты, Матвей, на меня не обижайся, у меня в башке дырка и от этого сплошной сквозняк под чердаком, – сказал это и засмеялся.

Сколько же в этом человеке жизненной силы, если может шутить и смеяться после столь сложной операции? Воистину нет предела мужеству!

Матвей Калистратович быстро поправлялся, и наступило время его выписывать. С этим известием я и пришёл в палату к своим неугомонным пациентам. Зашёл как раз в начале рассказа Ивана Захаровича.

- В июле 1945 года добрался я всё же до своего дома. Вроде бы и стремился все эти годы к отчему очагу, а тут на самом подходе, ноги отказали. Присел на скамейку около ограды и начал гонять мысли: «Кто меня здесь ждёт. Кому я нужен?» Верите, от этих мыслей, чуть слезу не пустил.

Смотрю, девчушка из-за угла вывернула и боком-боком шасть мимо меня в ограду и как закричит: «Мама, дедуля, у нас дяденька - солдат на скамейке сидит!» Скрипнула дверь, смотрю, отец семенит по-стариковски ко мне. Узнал, обнял и заплакал. Грохнуло где-то рядом упавшее ведро, покатилося мне под ноги, а следом, повисла на мне Роза. Семь лет разлуки не изменили её: красивая, статная, с такими же лучистыми глазами. Обняла и давай целовать, приговаривая: «Ванечка, любовь моя! Прости меня за всё сделанное. Я ведь навету людскому тогда поверила. Выскочила в отместку тебе за Сафрона, а сердце-то моё всегда было с тобой. Прости меня, Ванечка! Прости, но только не уходи! Я ведь семь лет тебя ждала!»

Вечером, за семейным ужином всё и прояснилось. Когда Сафрон из дома уходил в Армию, Роза была на третьем месяце беременности. Родила девочку. Назвали в честь моей мамы Екатериной. Сафрон, как ушёл, так до сих пор никакой весточки. До рождения Катеньки умерла наша вторая мама. Вот и живут они в бедности, в недостатке, втроём. Хорошо ещё, что огород есть, а то бы пропали.

Долгим был тогда наш семейный разговор. Вот и Катенька уже уснула, а мы всё не может наговориться. Отец, видя наше с Розой желание быть вместе, встал из-за стола и вынес свой вердикт: «Живите, дети, мужем и женой, коль судьба так распорядилась! С Сафроном я сам разберусь!»

Жизнь в семье начала налаживаться. Роза через год родила сына, а через два – ещё одного. Мы были счастливы. О брате постепенно стали говорить всё реже и реже. Однако, через одиннадцать лет после Победы он зая-

вился: исхудавший, желтолицый, завшивленный. Отмыли, откормили, обули, одели. Через неделю пребывания в доме, всё же рассказал, что воевал под командованием генерала Власова. Практически, вся армия попала в плен. Гоняли его по разным немецким лагерям, а когда американцы освободили, здесь на Родине дали десять лет советских лагерей.

После этого разговора, рано утром собрал вещички и ушёл, не простившись. Ушёл навсегда. Больше я его не видел и о нём ничего не слышал. Такова, вот, правда!

- Ну, а сам-то ты или Роза переговорили с ним? , - поинтересовался Матвей Калистратович.

- Не стал он с нами разговаривать. Да и что говорить? Жизнь сама всё определила!

В это время прибежала с сообщением медсестра:

- По скорой привезли тяжёлого с ножевыми. Надо определиться!

Я быстренько ушёл, так ничего и не сказав Матвею Калистратовичу о его выписке. По честному: мне не хотелось моих подопечных сейчас разлучать.

В отделении готовились к операции. Привезённый скорой помощью мужчина был поднят на улице с множеством колото-резаных ран. Пульс и давление ниже предела. Сердце слабо прослушивается. Быстро обмыли и на стол. Вскрыл я его, а там все внутренние органы повреждены: печень, селезёнка, кишечник, сломан даже шейный позвонок. Четыре часа я ковырялся у него в утробе, делал всё, на что был способен, но жизнь угасла. Пока я резал и зашивал, мне сообщили, что при нём оказалась только справка об освобождении трёхдневной давности на имя Майского Сафрона Захаровича. Я был занят своими делами и не сразу сообразил, что на столе никто иной, как брат Ивана Захаровича.

Дав команду зашивать, умылся и пошёл в палату к дедам. А они, как малые дети, от души над чем-то смеялись, не ведая об очередной человеческой трагедии.

... Иван Захарович брата признал сразу по родинке над правой бровью. Дотронулся до его щеки и, почувствовав наступающий холод, заплакал, а губы шептали: «Прости! Прости!»

* * *

Закрыв последнюю страницу своих записей, читаю приписку: *«Спаси ведь так же трудно, как создать».* Бенджамин Джонсон.